

Научная статья
УДК 30(39)
doi: 10.17223/2312461X/42/13

Американская жизнь русских программистов (этногендерный аспект)

Наталья Валентиновна Шалыгина

*Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия,
etgender@mail.ru*

Аннотация. Анализируются особенности повседневной жизни двух поколений русскоязычных программистов в США (конец 1990-х – начала 2020-х гг.). Основная задача – показать динамику адаптационных возможностей русских программистов в инокультурной среде американских ИТ-компаний. На базе материалов полевого исследования изучалась как профессиональная деятельность (с учетом гендерных аспектов), так и частная, а также семейная жизнь русских программистов в Америке. В процессе проведения полевого исследования применялись такие исследовательские методы, как включенное наблюдение, проведение интервью, анализ блогосферы и изучение писем на родину 1990-х гг., отражающих реальные переживания русскоязычных программистов и членов их семей в процессе привыкания к американскому образу жизни. Методологическая база исследования основана на междисциплинарном анализе и включает в себя рассмотрение как зарубежных, так и российских исследовательских работ.

Ключевые слова: мифодизайн, «американская мечта», социальная идентичность, микроистория, гендерный дисбаланс, глобализация, патриархатные стереотипы

Благодарности: Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Для цитирования: Шалыгина Н.В. Американская жизнь русских программистов (этногендерный аспект) // Сибирские исторические исследования. 2023. № 4. С. 256–283. doi: 10.17223/2312461X/42/13

Original article
doi: 10.17223/2312461X/42/13

American Life of Russian Programmers (An Ethnogender Aspect)

Natalya V. Shalygina

*Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, etgender@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the features of the everyday life of two generations of Russian-speaking programmers in the United States (late 1990s –

early 2020s). The main task was to consider the dynamics of the adaptive capabilities of Russian programmers in the foreign cultural environment of American IT companies. Based on field research materials, both professional activities (with gender aspects considered), as well as the private and family life of Russian programmers in America were studied. The research methods included participant observation, interviews, analysis of the blogosphere and the study of letters to their homeland in the 1990s, reflecting the real experiences of Russian-speaking programmers and their families in the process of getting used to the American way of life. The methodological basis of the article is based on an interdisciplinary analysis and includes consideration of both foreign and Russian research papers.

Keywords: myth design, “American dream”, social identity, microhistory, gender imbalance, globalization, patriarchal stereotypes

Acknowledgements: Published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

For citation: Shalygina, N.V. (2023) American Life of Russian Programmers (An Ethnogender Aspect). *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 4. pp. 256–283 (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/42/13

Введение

Представления бывших советских граждан, которые в 1990-х гг. массово уезжали в США, о реалиях американской жизни формировались в условиях тотальной нехватки информации и ее «качественного искажения» посредством рекламы. Два этих обстоятельства лежат в основе *мифодизайна*, т.е. искусственного конструирования любого социального мифа, которым можно управлять, встраивая его в подготовленное массовыми коммуникациями общественное сознание (Белл 2004). Россияне, чье сознание практически с самого начала постсоветского периода подвергалось реформатированию с помощью идеологического конструкта под названием «американская мечта», уже не одно десятилетие в той или иной степени сохраняют представления о существовании за океаном «града на холме», способного обеспечить их социальное благополучие. Массовый переезд наших соотечественников в США в поисках «заокеанской синекеры» представляет собой непростую социокультурную проблему, затрагивающую как частные судьбы россиян, так и судьбу нашей страны в целом.

Особую актуальность эта проблема приобрела в связи с так называемой утечкой мозгов, когда Россию с самого начала постсоветского периода стали покидать квалифицированные специалисты, способные активно содействовать ее перспективному и стабильному развитию. На современном этапе речь, в первую очередь, идет о русскоязычных программистах, массовый отъезд которых из России, начавшийся еще в 1990-х гг., фактически не прекращается до сегодняшнего дня. В условиях быстрого мирового развития цифровой экономики дефицит программистов в стране чреват существенным замедлением темпов

развития тех сфер общественной жизни, функционал которых напрямую связан с высокими технологиями. Меры, оперативно предпринимаемые сегодня в рамках государственной политики РФ по сохранению человеческого потенциала в области компьютерных технологий, безусловно, приносят свои плоды. Однако за скобками официальной отчетности, как правило, остаются вопросы, касающиеся реального положения дел в ИТ-сфере за рубежом и тех проблем повседневной жизни, с которыми приходится сталкиваться большинству наших программистов в других странах.

История вопроса. Научно-исследовательский багаж, касающийся изучения повседневной жизни русскоязычных программистов в США, пока крайне невелик, причем как в России, так и за рубежом. Тем не менее существуют классические работы зарубежных авторов по изучению повседневности, которые способны обозначить общее парадигмальное пространство рассматриваемой проблемы. К этой категории авторов следует, в первую очередь, отнести представителей различных школ микроисторических исследований, например, таких, как Фернан Бродель (Франция, 1950–1960-е гг.), Л. Гонсалес-и-Гонсалес (Мексика, 1970-е гг.), Карло Гинзбург, Эдоардо Гренди и Джованни Леви (Италия, 1970–1990-е гг.), А. Людке, П. Кридте, Ю. Шлюбойм (Германия, 1970–1990-е гг.) и др. Общий теоретический посыл работ по микроистории заключается в том, что изучение частных, «эфемерных событий» означает не «разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях», что позволяет увидеть преломление общих процессов «в определенной точке реальной жизни» (Levi 1992).

Повседневная жизнь современных иммигрантов, будучи гендерно детерминированной, в той или иной мере исследовалась и многими феминистскими авторами, причем не только зарубежными, но и российскими. Так, в специальных выпусках таких научных журналов, как «American Behavioral Scientist» (1999) и «Identities: Global Studies in Culture and Power» (2001), представлены наиболее актуальные на период смены тысячелетий направления изучения адаптации женщин-иммигранток к инокультурной среде. Феминистски ориентированные исследователи сравнивают, например, влияние стартовых позиций мужчин и женщин на их интеграцию в социально-экономическую структуру принимающей страны (структурная ассимиляция) (Gidwani, Sivaramakrishnan 2003), взаимосвязь гендерных и этнических факторов в формировании новой идентичности иммигрантов (Ghaffarian 1987), трансформацию патриархатных стереотипов иммигрантов в условиях глобализирующегося мира (Fincher 1997), независимость распределения гендерных статусов в иммигрантской группе от традиций, принятых в материнской культуре (Gerber 2006), разрушение традиционных представлений о гетеронормативности иммигрантов (Daley 2021), проблемы не востребоваемости творческого и

интеллектуального потенциала женщин-иммигранток (Тюрюканова, Малышева 2001) и др.

Вопросы изучения повседневности иммигрантов так или иначе сопряжены с трансформациями их самоосознания и самоопределения в новых условиях проживания, т.е. с трансформацией социальной идентичности. В отечественных исследованиях, посвященных выявлению наиболее устойчивых, архетипических черт представителей «Русского мира» за рубежом, выделяются такие этнокультурные константы, как открытость иным культурам; отсутствие чувства национального превосходства; общинность и стремление к коллективизму; стирание граней между личным и общественным; «анархическое свободолюбие» (Н.А. Бердяев), реформаторство «по-русски» (не заимствование западных ценностей в чистом виде, а стремление к их изменениям при условии сохранения своих традиций); способность к быстрой психоэнергетической мобилизации (за что русских особенно ценят в «айтишной» сфере Кремниевой долины) и т.п. (Гринберг 2012).

Подобного рода архетипы «русского характера» с конца XX – начала XXI в. отечественными исследователями все чаще противопоставляются архетипам «американского характера», сформулированным еще в конце XVIII – начале XIX в. отцами-основателями американской нации и уже в наши дни растиражированным известным американским историком А. Шлезингером-мл., – мессианское предназначение, исключительность американской нации, приоритет «провидческой идеи», возрождение принципов Римской республики в новых условиях и т.п. (Шлезингер-мл. 1992). С точки зрения французского семиотика Р. Барта, фундаментальное, базовое несовпадение основных идеологических конструктов в национальном характере разных народов неизбежно приводит к мифологизации их образа жизни в массовом сознании и, как следствие, к субъективной и часто неадекватной оценке реальности «другой» культуры (Барт 2000). В начале 1990-х гг. французский социолог и признанный авторитет в области изучения технологий воздействия стереотипов на массовое сознание Жан Мари Дрю заявил, что время доминирования стереотипных представлений о жизни «других» безвозвратно уходит в прошлое и уступает место технологиям взлома мифологизированных стереотипов, которые способны менять привычные ориентации массового сознания и формировать новые (Дрю 2002).

Однако, несмотря на широкий диапазон теоретических разработок, способных пролить свет на устойчивость стереотипа «американской мечты» и оценить его влияние на сознание русскоязычных переселенцев в Америке, глубокий междисциплинарный подход при изучении этого феномена пока не применялся, как не проводились и систематические полевые исследования конкретных групп массовой постсоветской волны переселенцев за океан. Впервые системное изучение одной из таких

групп постсоветских иммигрантов, наиболее мотивированных на работу и постоянное место жительства в США, было проведено автором данной статьи в начале 2000-х гг. и изначально основывалось на намерениях выявить наиболее успешные варианты адаптации наших бывших соотечественников в США.

Исследование проводилось методами включенного наблюдения, автобиографических интервью, изучения нарративов и отдельных случаев (case studies), материалов частной переписки, а также анализа средств массовой информации, социальных сетей и блогосферы рунета. Одновременное использование сразу нескольких качественных методов исследования было продиктовано необходимостью как можно более внимательно «всмотреться» в подробности повседневной жизни иммигрантов, в скрытые от любого количественного исследования детали их «вживания» в новую для себя реальность.

Подобного рода научная традиция возникла еще в 1970-х гг., когда американский антрополог Клиффорд Гирц предложил использовать так называемый метод «насыщенного описания» повседневности, позволяющий исследователю мягко подстраиваться под естественный ритм жизни членов сообщества и таким образом фиксировать не только и не столько происходящие с ними события, сколько смыслы совершаемых ими действий, намерения, ожидания, рефлексии (Geertz 1973). Для изучения иммигрантского сообщества подобного рода метод оказался весьма чувствительным хотя бы в силу того, что сами переселенцы достаточно долгое время после переезда в другую страну находятся в состоянии эмоциональной неопределенности и неготовности отвечать на вопросы, требующие осознанной оценки своих действий.

Метод «насыщенного описания» органично сопряжен с нарративом, т.е. самым обычным повествованием человека о своих повседневных действиях, переживаниях и заботах, которое в случае данного исследования имело как устный, так и письменный характер. Для анализа нарративных материалов, содержащихся в частной переписке, применялась методология Ш. Эриксона (Erickson 1972) и Д. Гербера (Gerber 2006), позволившая учесть множество деталей, упускаемых при использовании других методов исследования, разглядеть существенные особенности деятельности человека, которые обычно ускользают от внимания историков, через малое и частное прийти к лучшему пониманию общих социальных связей и процессов, через рассказ о конкретных фактах показать реальное функционирование тех аспектов жизни сообщества, которые были бы искажены во время обобщения или количественной формализации. Всего в процессе моего исследования удалось проанализировать 26 писем, в которых нашли свое отражение судьбы 8 семей постсоветских иммигрантов.

Устный нарратив анализировался с помощью метода изучения отдельных случаев, когда респонденты сами нуждались в том, чтобы поделиться

теми проблемами, с которыми они столкнулись в иммиграции. Обычно это был пространный рассказ о том или ином локальном случае, имевшем четко определенные социальные и временные маркеры и носившем характер личного, intersubъективного опыта. Сама исследовательская стратегия кейс-стадис дает возможность использовать гибкий подход, к нарративу в том числе. Поэтому она применялась мною и в процессе проведения неструктурированного интервью с иммигрантами, когда в процессе повествования появлялись новые эмпирические данные, нередко вынуждавшие оперативно менять саму гипотезу исследования. Следует подчеркнуть, что границы между качественными методами часто оказываются размытыми, поэтому иногда метод изучения отдельного случая в процессе исследования распространялся как на подробное описание неких неожиданных событий, случившихся с иммигрантом, например, в начальный период его пребывания в США, так и, наоборот, на подробное, по сути биографическое описание уже пройденного в иммиграции пути и подведение неких итогов.

Подобного рода подход, позволяющий объединять в одно целое субъективные интерпретации объектом исследования своих действий и одновременно оценку этих действий наблюдающим за ними исследователем в 1990-х гг. был назван британским социологом Теодором Шаниным методом двойной рефлексивности («режим длинного стола») (Шанин 1998). Данный метод является одним из основных в современной социальной и культурной антропологии и, как и метод «насыщенного описания» К. Гирца, заключается в принципиальном отказе от заранее сформулированных ответов при проведении включенного наблюдения и неструктурированного интервью.

Наибольшее внимание в исследовании было уделено методу включенного наблюдения, ставшего широко известным благодаря полевой практике социологов Чикагской школы еще в первой половине XX в. Учитывая тот факт, что метод включенного наблюдения используется как социальными антропологами, так и этнографами или социологами, возможности объединения их подходов в рамках одного исследования позволили установить смыслы, скрытые за институциональными порядками русскоязычного сообщества иммигрантов в США. Структурно метод включенного наблюдения в данном исследовании опирался на опыт американского социолога 1960-х гг. Оскара Льюиса, начавшего наблюдение за жизнью членов одной семьи латиноамериканцев в США, но, имея в виду их многочисленные контакты с родственниками, друзьями, знакомыми, постепенно расширившего круг своих респондентов практически до трехсот человек (Льюис 2001). В моем собственном исследовании таким же «кустовым» методом наблюдения удалось охватить 156 человек, из которых более половины так или иначе планировали после переезда за океан найти себе работу в крупных IT-компаниях США.

Материалы блогосферы и социальных сетей Рунета изучались с учетом методологических позиций аналитика медиасферы Х. Куртца, обращающего особое внимание на необходимость перепроверки социальных медиа ввиду отсутствия у них научного и правового статуса (анонимность пользователей, индекса цитирования и т.п.) (Kurtz 2009). Анализ хэштегов с учетом основ современного социологического знания позволяет, в частности, получать информацию о тех сторонах жизни русскоязычных программистов, которые ощущаются ими самими как наиболее существенные и значимые в процессе адаптации (Давыдов 2008).

Профессиональная сфера жизни русских программистов США. Сегодня среди экспертов нет единого мнения относительно точного количества уехавших из России разработчиков программного обеспечения (ПО), а их общее количество подсчитать вряд ли возможно, так как при пересечении границы статистика по специальностям, целям выезда и приезда не собирается. По этой причине достоверный статистический анализ, позволивший бы судить о динамике оттока российских программистов из России в США, как полагают и сами программисты, вряд ли возможен: «Никакой методики оценки уезжающих из России айтишников нет, да и не может быть. На границе у нас никто не спрашивает, кем мы работаем, офис-менеджер и IT-специалист в глазах офицера, проверяющего документы, не имеют никаких различий. Оценочные суждения всегда или почти всегда искажают картинку, так как напрямую зависят от личности говорящего, его окружения и жизненного опыта» (Муртазин 2020).

Собственно программисты, или разработчики программного продукта, нередко подпадают под общее определение *айтишников*, объединяющее всех представителей ИТ-сферы деятельности – веб-дизайнеров, тестировщиков компьютерных программ, менеджеров проектов, сотрудников технической поддержки, информационной безопасности и еще десятков представителей других профессий в этой области занятости, которых нередко также относят к программистам. Статистика практически не учитывает различия между представителями всех специализаций в ИТ-сфере, которых, по данным Росстата, всего в России в 2021 г. насчитывалось 1,76 млн человек. Согласно сообщению главы Минцифры М. Шадаева, в 2022 г. из России в другие страны уехало 100 тыс. российских айтишников (Бегин 2023), но какими специальностями они владеют и какую нишу занимали в отечественной ИТ-индустрии, официальная статистика пока не фиксирует. Тем не менее именно этот вопрос представляется особенно важным для исследования тонкостей повседневной жизни наших специалистов в Америке, так как от уровня профессиональной подготовки зависит их востребованность на рынке ИТ-индустрии, зарплата и, в конечном счете, весь образ жизни за океаном.

История адаптации русских программистов к условиям работы в США началась не сегодня, а насчитывает уже как минимум три десятилетия и имеет отчетливо выраженную периодичность, связанную как со сменой поколений, так и с этапами развития высоких технологий в мире. Однако сегодня, как и 30 лет назад, русскоязычные программисты, решая для себя вопрос с переездом в США, во многом ориентируются на миф о бесконечных возможностях и перспективах в американской ИТ-индустрии. Новая редакция «американской мечты», адаптированная еще в 1990-х гг. к наступившей компьютерной эпохе, не только не утратила со временем своих конкурентных преимуществ среди россиян, но даже усилила их, заполнив собой вакуум ценностных ориентиров в условиях тотальной деидеологизации общественного сознания в стране.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. молодые русскоязычные мужчины-программисты 25–30 лет, получившие высококачественное советское образование в лучших технических вузах страны, но фактически не имевшие в условиях российской перестройки каких-либо определенных перспектив профессиональной самореализации, одними из первых восприняли новую «американскую мечту» как реальный жизненный ориентир и путь к успеху. Пионеры российской ИТ-индустрии тех лет, размещающие сегодня на страницах блогосферы Рунета соображения о своей мотивации переезда в США, делают особый акцент на том, что эмиграция в Америку воспринималась ими, тогда молодыми специалистами, как способ профессиональной и личностной самореализации, включая решение проблем благосостояния: «Сейчас мне стыдно за свои слова, но в середине 90-х я часто говорил что-то вроде: “Здесь я еще не родился: вот уеду в США – тогда все и начнется. Работы не было вообще: экономика-то рухнула. В тот момент мы жили в эру натурального обмена – “фирмачи” меняли мазут на сахар, а сахар – на гречку, народ “гонял” с товаром в Польшу. Программисты сидели без работы. Кто не жил в то время, вряд ли поймет. Мне хотелось ездить на хорошей машине, а не на папином “Запорожце”, работать с C++, а не FoxPro... [Но в первую очередь] мне нужен был компьютер, а не зарплата. Я и когда в Америку переехал, начал с 30 тысяч долларов в год, хотя специалисты, знающие C++, уже тогда зарабатывали в три раза больше... Мне, молодому, зеленому, доверили писать большой проект – депозитарий ценных бумаг, которыми в ту пору были разные облигации... А гонораром за проект стала машина финансового директора – старенькая BMW... Конечно, я идеализировал Соединенные Штаты, как и все в Советском Союзе в то время... А по настоящему-то о жизни в Америке я вообще знал только по фильмам, где средний класс разъезжал на BMW”» (Рогачевский 2019).

Идеализация американского образа жизни и последовавшая за этим целая череда разочарований при столкновении с заокеанской реальностью для молодых российских программистов носила относительно

безболезненный характер и к тому же в немалой степени компенсировалась приобретаемым опытом. Но если минимальные удобства повседневной жизни («...однокомнатная студия, матрас на полу, телевизор, холодильник, микроволновка, компьютер – что еще надо для счастья?!») переносились ими достаточно легко, то многие профессиональные проблемы, возникавшие в процессе работы на ту или иную американскую компанию, российскими айтишниками с самого начала их жизни в Америке воспринимались весьма негативно и, мягко говоря, не способствовали укреплению лояльности по отношению к США в целом.

Воспоминания самих русских программистов, переезжавших в тот период в Америку, позволяют сегодня судить о том, насколько их травмировали характерные особенности американского менеджмента, быстро разрушавшие искреннюю веру постсоветских граждан в существование за океаном справедливого мироустройства. Чаще всего, правда, эти особенности проявлялись по отношению к тем молодым программистам, которые не имели формального статуса в США, но, по сути, в той или иной мере отмечались и другими категориями российских специалистов в американской ИТ-индустрии, столкнувшимися с повсеместным распространением и фактической легитимацией обмана со стороны американских менеджеров. Одним из наиболее распространенных видов такого обмана было приглашение высококлассных и «дорогих» специалистов из России, что называется, «вытащить» проект, а затем со словами «Спасибо друг, выручил» уволить его, отправив дальнейшее сопровождение проекта более «дешевому» программисту, например, в Индию.

Тот факт, что русскоязычные программисты в США относятся к категории «дорогих» специалистов, сегодня подтверждают многие компании. Например, по данным венчурного фонда LETA Capital (data-driven инвестор), инвестирующего в трудоустройство русскоязычных программистов в различных странах мира, именно эта категория *фаундеров* (основателей наиболее масштабных проектов ИТ-бизнеса) позволяет рассчитывать на самую перспективную капитализацию стартапов в сфере программного обеспечения. Благодаря анализу профилей сотрудников 4.900 компаний, проведенному LETA Capital в профессиональной соцсети LinkedIn (2020 г.), был составлен так называемый усредненный портрет современного русскоязычного программиста, основной характерной чертой которого можно считать высокий уровень базовой профессиональной подготовки: «Из всей выборки 63% имеют хотя бы степень Бакалавра (Bachelor's), 59% имеют также степень Магистра (Master's), а еще 15% (от бакалавров) или 10% от общего повышали свою квалификацию на курсах MBA (среднее время между Магистром и MBA – 4,72 года обучения). При этом 9% из всех бакалавров (или 5% от общего) и вовсе являются не просто ИТ предпринимателями, а имеют

докторскую степень (Ph.D). Логичным также выглядит распределение по специальностям: почти 60% имеют техническое образование, а значительная часть гуманитарного образования получена в магистратуре, MBA и далее» (<https://medium.com/letavc/современный-русскоязычный-it-предприниматель-кто-он-17d3301b2941>).

Закрепившийся за русскоязычными программистами имидж «дорогих» специалистов лежит в основе и такого популярного варианта обмана со стороны американских компаний, который в их профессиональной среде обычно называют «прикрыть зад менеджера». Суть данной схемы заключается в том, чтобы просто найти того, на кого можно было бы свалить вину за неудачный проект. В этом случае приглашение «дорогих» русских программистов преподносилось как последний шанс, который на самом деле должен был скрыть системные ошибки основных разработчиков. И когда заведомо неудачный проект вполне ожидаемо не удавалось спасти даже российским программистам, в ход шли стандартные клише-отговорки, типа «...если уж русский чудо-специалист не справился...». При этом сами американские разработчики также ожидаемо оказывались в стороне.

Как правило, русскими программистами подобного рода технологии американского менеджмента воспринимались особенно болезненно и неизбежно разрушали их самые устойчивые иллюзии по отношению к Америке: «Каково было осознавать, что меня брали на работу, чтобы списать ответственность за провал? Поначалу я этого не понимал – честно старался изо всех сил. Но спасти проект часто даже не давали. Когда я говорил, что код нужно переписать, предлагали “изложить свое видение на бумаге”, и, пока они примут решение, фиксировать баги по списку. Как раз тот случай, когда солдат спит, а служба идет: изображай работу и жди, пока уволят, – потому что контракт не продлят вне зависимости от результата. Начальники обычно много совещались, но решение так и не выносили. И в какой-то момент говорили: “We are sorry!...” – и крокодиловые слезы по щекам» (Рогачевский 2019).

Тем не менее относительно низкая конкурентоспособность специалистов из России в США находила свое объяснение и в совершенно другой плоскости. Сами программисты нередко были склонны связывать свои профессиональные трудности в Америке с разницей в менталитетах, несовпадением так называемых культурных кодов, что для топ-менеджмента крупных американских ИТ-компаний отнюдь не является пустым звуком, а, напротив, далеко не в последнюю очередь принимается во внимание при проведении интервью с соискателями (чаще всего многоступенчатого). Учитывается не только резюме соискателя, но и его возможные поступки, случайно оброненные слова, реакция на стрессовые ситуации в инокультурной среде, которая нередко даже специально провоцируется (например, шутки по поводу конфликтов в межрасовой

среде), и т.д. Во время пандемии COVID-19 проверка потенциального русскоязычного сотрудника могла коснуться и его отношения к действиям властей в США по предотвращению распространения вируса в стране, так как учитывались иные подходы к этой проблеме в России и иной уровень, с точки зрения американцев, ответственности россиян по отношению к исполнению законов.

По мнению русскоязычных программистов, работающих сегодня в США, их успешной карьере здесь зачастую мешают и собственные стереотипные привычки, характерные для многих россиян, но неуместные в Америке. К таким привычкам они сами относят, например, отсутствие самодисциплины: «Возможно, сказывается генетическая память. Нам нужен постоянный надзор “сверху”, иначе мы все будем откладывать на потом, ведь времени, кажется, еще много. С творческими профессиями бывает, что, скажем, вдохновение никак не приходит... Американцы этого не понимают и будут с подозрением относиться к такому работнику. Здесь ценят СТАБИЛЬНУЮ продуктивность: чтобы ты все время отчитывался, как проходит работа, показывал, на каком этапе готовности задание, и мог сам организовать свой рабочий день наилучшим образом... За океаном никому в голову не придет следить за тем, в какое время ты садишься работать и заканчиваешь, никого не волнует, если у тебя вдруг отключился интернет, музыка ушла или хомячок рожает. От тебя ждут отличного результата к дедлайну. Как ты его достигнешь – дело твое, но будь добр – сделай все в срок и в нужном качестве» (Корнеев 2022).

В культурный код американцев не «вписывается» и такая особенность менталитета русских, которую в США принято называть тягой к героизму. Действительно, русскоязычные программисты сами признают, что «в последний момент, накануне дедлайна, русский может не спать 36 часов подряд, выпить 8 литров энергетиков, и сделать за это время работу, на которую была отведена неделя. И, главное, что после этого мы чувствуем не уколы совести, а гордость: преодолел, справился, ай да я! Дофамин и эндорфины кипят в крови, и мозг воспринимает такой режим как нормальный, и привыкает к нему все сильнее» (Корнеев 2022). Однако, судя по материалам моего полевого исследования, американцев данное несоответствие культурных кодов в ИТ-сфере как раз устраивает, так как открывает новые выгодные возможности для их взаимодействия с русскими, а самим русскоязычным программистам попутно обеспечивает искомый драйв в их подсознательном стремлении к максимальной профессиональной самоактуализации:

«В 7 утра я встаю, в 8:00 – отключаю офферы Google, Facebook¹, Oracle, HP и подобных. С 9:00 пишу код, который стирает 100 “человеческих”

¹ Facebook – проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

вакансий с рынка труда. Далее по расписанию – обед за счет компании. С 13:00 до 15:00 – еще немного кода. В 5 вечера у меня встреча с инвесторами, которые жаждут вложить деньги во все, к чему я прикасаюсь. В 19:00 я ужинаю в Ritz-Carlton. В 22 – оставляю мое экспертное мнение под постом в блоге какой-нибудь компании. Пост быстро разносится по Сети, и компания внезапно становится успешной».

«Формально рабочий день site-reliability engineer в Google начинается в 9 утра и заканчивается в 7 вечера. Однако на деле работа продолжается до 22:00. Сотрудник должен быть готов ответить на срочный вопрос в течение 5 минут... Я уйду с работы в 7 вечера, обязательно с заряженным ноутбуком. Если по дороге придет оповещение о критичной ошибке, то мне придется бросить все и заняться ей. Если ошибка менее приоритетная – разберусь с ней дома... На часах почти полночь, пора домой. По пути думаю, как хорошо, что я живу в South Bay – недалеко ехать. Спать лягу уже за полночь, а будильник сработает в 6:30...» (ПИМА 2021).

Конкуренентоспособность русскоязычных программистов особенно «испытывается на прочность» во время кризисов. Еще в самом начале 1990-х гг. в Калифорнии, там, где располагалось наибольшее количество предприятий микропроцессорной индустрии, начался кризис перепроизводства, который в итоге привел к резкому спаду в развитии IT-компаний Кремниевой долины (Силиконовая 2007). Трудоустройство русскоязычных программистов, даже владеющих языками программирования C++ и Java, в такой ситуации нередко оказывалось под большим вопросом. Правда, согласно свидетельским нарративам того времени, молодые программисты, приезжающие из России налегке, т.е. без семьи и каких-либо определенных стратегий устройства на новом месте, сравнительно быстро находили для себя альтернативные варианты работы, не боясь потери в заработке и других неудобств (тактика достижения успеха под названием Job-hopping, от английского hop, что означает «прыгать»). Более того, для этой категории российских «айтишников» в США именно тактика частой смены компаний нередко оборачивалась не столько потерями в зарплате, сколько, наоборот, возможностью ее поднять.

Однако для программистов более старших поколений (30–45 лет), которые переезжали в Америку вместе с семьей и, по их собственному выражению, «без парашюта», продав в России всю свою недвижимость и вложив деньги в обустройство на новом месте, ситуация оказывалась более проблемной. Включенное наблюдение и автобиографические интервью позволили прийти к выводу о том, что основная причина проблем с трудоустройством для более старших русскоязычных программистов в Америке была связана с их изначальным целеполаганием. Несмотря на высокий уровень технического образования и даже наличие научных степеней, что, в принципе, всегда ценилось в США и повышало возможности любого соискателя рабочих мест в ИТ-сфере, *стратегия их*

переезда за океан была ориентирована не столько на самореализацию и профессиональный рост в ИТ-индустрии, сколько на достижение благополучия для себя и своей семьи в новых условиях с помощью уже имеющегося интеллектуального багажа. Мои беседы с одним из представителей этого поколения, программистом Владимиром Ч. (47 лет) и его женой Ириной Ч. (46 лет) каждый раз сводились к тому, что очень трудно найти работу по специальности, что рассылаемые резюме в большинстве своем остаются без ответа, что нужна чья-то помощь в этом поиске и т.п. Теми же сюжетами наполнены и письма на родину:

«11.04.92. Вчера разговаривали с одним человеком из Нью-Джерси. Тот говорит, что вообще с работой в стране очень-очень плохо. Мы, конечно, немного огорчились. Но совсем духом пока не падаем».

«02.05.92. На несколько сотен резюме чаще всего только один ответ бывает... Да и то, если понравиться, берут только на испытательный срок... Так тяжело с работой...».

«22.10.92. Володя рассылает свои резюме везде. Получил приглашение Аклохомы (орфография письма сохранена автором статьи. – Н.Ш.) – это штат недалеко от Канзасса. Но это пока еще ничто. Он только начал. И хотя экономическое положение сейчас очень тяжелое в стране, мы надеемся. А что еще остается делать... Я поняла, что нельзя терять надежду!»

«Декабрь, 1992 г. Работа?! Это смешно! Такое кол-во эмигрантов в нашем штате. Может быть, в других штатах по-другому. Я не знаю. Все хотят работу, но найти ее тяжело...» (ПМА 1992).

Относительно низкая конкурентоспособность россиян на рынке труда в американской ИТ-индустрии в те годы была связана и с их неготовностью принимать быстро меняющиеся корпоративные правила игры в этой сфере. С середины 1990-х гг. ситуация в американской ИТ-сфере начала стабилизироваться благодаря стремительному росту востребованности операционной системы Windows 95, упрощению интерфейса и, что особенно важно, появлению глобальной компьютерной сети Интернет. Проблема с рабочими местами для айтишников, включая русскоязычных иммигрантов, потеряла свою остроту. Однако кризисная ситуация в американской ИТ-индустрии показала, что *русскоязычные программисты в США довольно слабо ориентируются в условиях рыночной экономики, в силу чего сами оказываются не готовыми к жесткой конкурентной борьбе.*

Особенно очевидным этот факт стал в 2002 г., когда в Америке разразился очередной кризис, связанный с сокращением инвестиций в ИТ-индустрию из-за спада в экономике большинства стран. Многие компании в тот период начали активно проводить политику аутсорсинга и переводить свои производства в страны с дешевой рабочей силой, чаще всего в Индию. В силу этого обстоятельства «дорогие» русские

айтишники (учитывая, в первую очередь, их высокий уровень образования) нередко оказывались, что называется, не у дел. Не менее ощутимо на них в те годы отразилась и политика так называемых бодишопов, т.е. найм в ИТ-компаниях статистов («тел»), с помощью которых менеджеры осваивали бюджет: чем большее количество специалистов работает над проектом, тем больше денег на него выделяется, даже если реально над проектом работают 2–3 человека. В качестве «тел» компаниям, стремящимся сохранить свое производство в условиях кризиса, высококлассные русскоязычные программисты, способные в несколько раз быстрее решать поставленные задачи, также оказались не нужны.

Еще более проблемной американская ИТ-среда становилась (и становится сегодня) для тех русских программистов, которые не обладали статусом незаменимых (рабочая виза L1), т.е. не владели современными языками программирования и не имели, с точки зрения американского работодателя, должного уровня креативного мышления при решении сложных профессиональных задач. Особенно это касается тех русских айтишников, которых американские компании «вывезли» из России в 2022–2023 гг. Достаточно быстро после переезда в США к ним приходит осознание того, что «их статус внутри компании – “беженец” и их никто не ждет на других рынках, им дадут не ту работу, о которой они могли мечтать. Крупные корпорации могут сохранить более-менее близкое позиционирование для своих сотрудников, для относительно небольших компаний это невозможно... Как сказал топ-менеджер одной из американских компаний, “наши сотрудники – беженцы, но они этого не понимают. У них нет права выбирать место, где они будут трудиться, зарплату, которую они будут получать. Нет никакой сказки, что кто-то будет о них заботиться”». Для многих айтишников отъезд из России сегодня нередко означает ощутимое понижение социального лифта, меньшие деньги (с учетом другой стоимости жилья, продуктовой корзины и т.п.) и потерю привычного уклада жизни: «Обычно эта прослойка людей отлично жила в России, но превратившись в беженцев, они теряют практически все от прежнего уровня жизни... Сейчас многие утешают себя тем, что компании их не бросят на произвол судьбы, дадут пожизненную работу (!!!) и теплое место. Звучат такие рассуждения очень наивно. Во многих случаях люди получают какую-то работу, затем через год, максимум два от них могут отказаться, так как никакими уникальными умениями они не обладают и были нужны для работы в России. Вне России они, как правило, бесполезны...» (Муртазин 2022).

Подобного рода профессиональные рефлексии, однако, до конца не отражают тех проблем, с которыми приходится сталкиваться русскоязычным программистам в США. За скобками чаще всего остаются тонкости их частной жизни, имеющие прямое отношение к полноценной реализации новой жизненной стратегии за океаном.

Гендерные метаморфозы в среде русских программистов. Многие из тех частных проблем, с которыми русские программисты в США сталкиваются сегодня, обозначились еще в 1990-х гг., когда объективные трудности с трудоустройством не только ставили их семьи на грань выживания, но и фактически меняли весь расклад поло-ролевых отношений внутри семьи. Письма жен русскоязычных эмигрантов тех лет своим родным и друзьям в России свидетельствуют о проблемах мужчин-программистов, которые эмигрировали в США вместе со своими семьями в надежде обрести за океаном искомую «синекуру». Но даже если русскоязычный программист и его семья в конце 1990-х – начале 2000-х гг. не были беженцами, а получали формальный статус эмигрантов, отсутствие постоянной работы не способствовало появлению у них чувства стабильности и уверенности на новом месте жительства: «Всем эмигрантам типа нас дают пособие на 4 месяца по 750 \$, пока кто-нибудь из нас (я или муж) не устроится хоть на какую-нибудь работу. После этого пособие тут же снимают – плати за все сам...» (ПМА 1992). В периоды безработицы, когда мужчина-программист не мог использовать свои профессиональные навыки для обеспечения семьи, выходом из положения, как правило, оказывалась поденная работа их жен, приносящая всей семье хоть какой-то минимальный доход: «Я проработала там [в ателье] 10 дней по 10 часов, а еще брала работу на дом ... и заработала за это время \$ 130+ кожаную куртку для сына...» (ПМА 1992).

Если же период безработицы для мужчин-программистов, переехавших в США на ПМЖ вместе с семьей, затягивался, то, по моим наблюдениям, это нередко приводило к формированию у них состояния фрустрации, означającego блокировку целенаправленного поведения и снижение адаптивных функций (Майерс 1999). Подобного рода состояние, в свою очередь, могло провоцировать и серьезные психосоматические заболевания, а также потерю уверенности в благополучном исходе всего «иммиграционного проекта» в целом. В такой ситуации чаще всего происходило перераспределение ролевых функций в семье и усиление поисковой активности женщин, выявленное мною ранее и у нескольких других иммиграционных групп в США, а в середине нулевых годов обозначенное как гендерный дифференциал социокультурной адаптации иммигрантов.

Суть концепции заключается в том, что женщина-иммигрантка из стран с доминирующей культурой традиционных гендерных отношений обладает большим, по сравнению с мужчиной, потенциалом адаптации, благодаря привитым еще в детстве навыкам ведения домашнего хозяйства, которые способны обеспечивать своего рода устойчивый стартовый капитал в любой меняющейся среде. Однако в кризисной ситуации, включая инокультурные контакты, долговременное использование «женских» навыков для выживания семьи нередко приводит к смене

гендерных приоритетов в семье и укреплению авторитета женщин. Феминистские концепции американских исследователей конца 1980-х гг. акцентировали внимание на том, что адаптационный потенциал мужчин в инокультурной среде, напротив, всегда выше, чем у женщин, благодаря отсутствию у последних изначальной «многомерности» возможностей для своей самоактуализации (Ghaffarian 1987).

Думается, что и та и другая концепции одинаково приемлемы, но по отношению к различным историческим периодам и к различным этническим группам. Жены русскоязычных программистов 1990-х гг. (4-я волна эмиграции из России), стремясь помочь своим мужьям адаптироваться к непростым условиям американского рынка ИТ-индустрии и получить в итоге возможность содержать всю семью, брались за любую временную работу, чтобы обеспечить им необходимый люфт времени для поисков постоянной работы в айтишных компаниях США. «Принимаю заказы, выдаю готовые вещи и вкалываю, вкалываю... передушиваю (пошире, поуже, пришить, подшить...). Устаю, не пересказать как. Без еды – тороплюсь, т.к. хочу побольше успеть. Но все оправдывает цель – так я привыкаю к здешней жизни и даю возможность Володе рассылать резюме... В общем, что и говорить...» (Шалыгина 2020: 121).

К середине второго десятилетия XXI в. ситуация с распределением гендерных ролей в семье русскоязычных программистов начала заметно меняться благодаря увеличению и углублению предварительной информированности отъезжающих из России об американском рынке ИТ-индустрии, а также быстрому расширению всей ресурсной базы обучения программированию в самой России, включая гендерный фактор. Общим для русскоязычных программистов итогом происходивших в тот период изменений стала также возможность трудоустройства в США на работу по специальности не только в результате получения эмиграционной, но и профессиональной визы H-1B, которая, однако, создавала и свои собственные трудности: «Появилось много американских компаний, которые начали хантить людей из других стран. Компания тебя везла в США по визе H1B, дальше ты начинал ходить по собеседованиям. Тебе платили 65 тысяч долларов в год, а продавали за 100 тысяч. По сути, аутстаффинг того времени (субаренда специалиста у другой компании. – *Н.Ш.*)» (Козлов 2018).

Сегодня ситуация с получением российскими программистами профессиональной визы H1B, благодаря широкому обсуждению в сетях, становится более прозрачной: «Наличие рабочей визы не дает вам права заниматься большинством высокотехнологичных видов деятельности. Ограничения на экспорт, такие как EAR или ITAR, не позволят вам работать в своей области до тех пор, пока вы не получите грин-карту, что займет несколько лет. Все это время вы будете вынуждены заниматься чем-то за пределами своей основной сферы деятельности, постепенно

теряя свои навыки. Если вы уверены в своих силах, отправляйтесь в другие страны. США – единственная страна, где вы не являетесь "лицом со статусом США" с точки зрения законов об экспорте, даже с рабочей визой. Вам грозит серьезное тюремное заключение, если вы сделаете это без экспортной лицензии (которую почти невозможно получить) или грин-карты. Все остальные страны – Европа, Турция, Китай, Латинская Америка таких ограничений не имеют» (Глущенко 2022).

Виза H1B имеет и еще более скрытые последствия, связанные именно с гендерным фактором. Дело в том, что профессиональную визу, как правило, с самого начала выдавали мужчинам, в то время как их жены получали статус *иждивенцев* (*dependents*, т.е. «зависимые»), который не давал формального права на работу и подразумевал полную экономическую и социальную зависимость от супруга. В профессиональном лексиконе «айтишников» США для обозначения статуса жен программиста даже появился свой термин – *спуглеры*, образованный от соединения двух английских слов: *spouse* (супруга) и *Google*. Статус спуглеров в Кремниевой долине лишь условно можно отнести к категории большого жизненного успеха, так как ни о каком социальном лифте в этом случае речь не шла. Учитывая тот факт, что среди русских программистов в США более 80% составляют молодые мужчины до 40 лет (данные компании *PayScale* на 2017 г.), их жены-спуглеры, как правило, становились домохозяйками и со временем фактически утрачивали перспективу трудоустройства по специальности, приобретенной на родине. Жизненное пространство жен-спуглеров постепенно «схлопывается» до размеров повседневных домашних забот и неизбежно перестает соответствовать медийному формату идеальной американской мечты: «... жизнь превращается в бесконечную скуку... город вокруг кажется красивым, но недоступным... и ты чувствуешь себя гадким лебедем, который не знает языка, не умеет правильно есть устриц и носить дизайнерскую одежду, у тебя болеет кот, а муж сидит на работе с десяти до десяти...» (ПИМА 2021).

Важно уточнить, что специализация русскоязычных молодых женщин, получивших образование в университетах постсоветского пространства, зачастую была на весьма высоком уровне, и утрата важнейшего ресурса для самореализации в новых условиях ощущалась ими достаточно болезненно. Когда женщинам-спуглерам приходилось отказываться, например, от специальностей в области прикладной лингвистики или систем технической защиты компьютерной информации и «волонтерить» в Техническом музее инноваций (г. Сан-Хосе, штат Калифорния), их нереализованные амбиции способны были создавать дополнительное напряжение в семейных отношениях.

В роли спуглера, кстати, мог оказаться и мужчина, если профессиональную визу программиста в США получал не муж, а жена, что хоть и редко, но все-таки случалось. Однако в этом случае ситуация для

русскоязычных айтишников становилась еще более драматичной: «Стараюсь настраивать себя позитивно: с удовольствием хожу по дому с пылесосом и слежу за тем, чтобы айпад любимой заряжался, пока она на работе. Налоговый консультант заявил прямо: “Сергей, ваш статус – домохозяин”. Я домохозяин, я домохозяин, я... Черт побери, где бы купить настоящую сметану, как дома?» (Король 2018). Сценарий пассивной адаптации русскоязычных мужчин-спуглеров, как правило, быстро приводил к полоролевым перестановкам в семье, а в результате заканчивался либо разводом, либо возвращению всей семьи на родину.

Что же касается русскоязычных женщин-спуглеров, то, несмотря на объективные трудности, связанные с профессиональной самореализацией в США, степень их поисковой активности со временем не снижалась, а, напротив, постепенно возрастала, позволяя находить креативное решение большинства возникающих в новых условиях проблем. В блогосфере современного Рунета одним из весьма популярных направлений все чаще становятся нарративы жен русскоязычных программистов, посвященные тому, как именно они преодолевают рамки статуса спуглеров в США. **Таня Луцаевская** (специализация в области прикладной лингвистики): «Перед переездом я открыла список контактов в Скайпе, и оказалось, что немало моих бывших сотрудников переехало в Долину. Теперь мы общаемся здесь. Нашли друзей из Беларуси и поддерживаем дружеские отношения... А еще я ценю, что здесь можно познакомиться с людьми, которые меняют историю в сфере технологий. На улицах уже не редкость self-driving cars, на наших глазах строился новый кампус Apple Park. Как-то раз мы поехали в Universal Studio в Лос-Анджелес, где в тот день, как оказалось, проходила закрытая конференция от Tesla, на которой Илон Маск представлял Tesla Powerwall. Когда этим живешь и интересуешься, то наслаждаешься возможностью быть частью чего-то нового». **Юля Синица** (специализация в области биометрической аутентификации по клавиатурному почерку): «Я пошла на курсы ESL, ходила на занятия каждый день, брала максимум уроков и сидела в школе с утра до вечера. Через пять месяцев стала волонтерить в Сан-Хосе, потом устроилась работать на part time и параллельно искала работу в ИТ. Через три месяца поисков получила оффер, и сейчас я – software engineer в стартапе UnifyID в Сан-Франциско... Моими здешними конкурентами, кстати, были выпускники университетов Беркли, Стэнфорда, МИТ, у которых за плечами парочка интернатур в известных ИТ-компаниях (Бандальер 2017).

Еще одним сценарием адаптации русскоязычных женщин-программистов, оказавшихся в роли спуглеров, можно считать «использование» ими своих соотечественников-мужчин в качестве стартовой площадки для собственного продвижения в США. В соцсетях большой популярностью пользуется письмо-откровение айтишника Андрея Третьяка,

адресованное, по всей вероятности, его другу и написанное без эвфемизмов: «В общем, заранее настройся, что через год американской жизни она тебя кинет. Редкое исключение, когда жена программиста тоже программист, работающий под той же операционкой. Такие люди живут долго и счастливо и умирают в один день от общего вируса. Но подобные пары так же редки, как виндовоз без багов. Чаще жена программиста – это нечто из совсем другого полушария мозга. Условно говоря, художница. Возможно, в России ты пристроил бы ее на какую-то околоскомповую работенку вроде web-дизайна. И вот ты, крутой уокер, приезжаешь в Штаты на двадцать тысяч в год. Тут же покупаешь поюзанный “фордик” и уютенький кондомик с видом на паркинг. И выписываешь из России свою мышку-норушку, которая дома всегда была тише кулера и ниже драйвера... Через полгода оказывается, что мышка лучше тебя водит тачку и знает все окрестные бары. И конечно, уже говорит по-английски без акцента, чего никогда не может добиться ни один русский мужик... Более того, пока ты там давил батоны и варил свои варешки, твоя тихоня уже подружилась с несколькими другими опытными программистами. И нашла, что их красные “ягуары” рулят круче, чем твой “форд козлина” цвета “б/у”» (Третьяк 2005).

Высокая степень поисковой активности русскоязычных женщин-программистов позволяет им успешно преодолевать и множество таких проблем, которые связаны с гендерным измерением всего профессионального корпуса айтишников в США. В немалой степени этому способствует сама американская политика, активно продвигающая идеи гендерного равноправия в стране. Русскоязычные женщины, наравне с чернокожими или латиноамериканками, а также выходцами из Юго-Восточной Азии, уже в середине 2000-х гг. без особого труда и при минимальной профессиональной подготовке могли получить в американских ИТ-компаниях такую относительно хорошо оплачиваемую должность, как, например, тестировщик компьютерных программ (около \$ 2.5 тыс. в месяц): «Моя парикмахерша пошла на курсы тестировщика компьютерных программ... а я чем хуже?» (ПМА 2021).

Однако дальнейшее продвижение в сфере ИТ-технологий США для многих женщин оказывается более сложной задачей. И прежде всего это касается самих американок, которые, получив достаточно престижную должность в ИТ-компаниях, очень быстро начинают испытывать острый «синдром самозванца», т.е. непреодолимое чувство своей неуместности, по сравнению с коллегами-мужчинами. По данным последних американских исследований, «синдром самозванца» и сегодня беспокоит не менее 22% женщин в США, работающих в сфере высоких технологий, несмотря на постоянно возрастающую активность американок в борьбе за тотальное гендерное равенство (Daley 2021). Кроме того, миф об отсутствии различий между мужскими и женскими возможностями

профессиональной самореализации, продвигаемый многочисленными феминистскими организациями, в сфере высоких технологий сталкивается с феноменом «сломанной ступеньки», когда женская карьера, в отличие от мужской, не может достигнуть тех же высот. В конце XX в. женщины-руководители в США составляли около 14% от общей численности разработчиков программного обеспечения, что, по мнению феминистски ориентированных исследователей того времени, было недопустимо мало (Domosh 1999). Со временем гендерный разрыв в статусных позициях американских программистов хотя и сократился, но незначительно. Причины сохранения этой диспропорции в IT-секторе американские феминистки объясняют по-разному – от скрытой дискриминации женщин в целом до различия когнитивных способностей у полов и игнорирования преимуществ женщин по сравнению с мужчинами (Sanders 2021).

Сегодня в политике США доминирует точка зрения, что женщины являются недооцененным ресурсом в IT-сфере, с помощью которого развитие экономики (и в первую очередь американская) смогут решать свои проблемы кадрового голода. Такие компании, как IBM, Cisco, HP, Intel, Yelp и Texas Instruments осуществляют спонсорство, мониторинговые и коучинговые программы для женщин. В Yahoo! функционирует даже специальная группа Women in Tech, которая помогает женщинам развивать нужные для работы навыки. LinkedIn проводит ежегодный женский хакатон («марафон хакеров». – *Н.Ш.*). В Salesforce работает программа поддержки Women Surge. Компания Palantir ежегодно вручает грант девушкам-разработчицам компьютерных программ. Google запустил целую серию мероприятий Women Techmakers и ориентированную на женщин кампанию Girls Who Code, в рамках которой к 2020 г. фактически прошли обучение программированию более миллиона девушек 13–17 лет по всему миру. Приоритетная цель проекта заключалась в том, чтобы способствовать появлению нового поколения женщин-программистов в сфере облачных технологий. Похожий проект (Women Who Code) до последнего времени поддерживался также Facebook¹ и Twitter.

Однако, несмотря на усилия множества крупных компаний, факты, приводимые на платформе для поиска рабочих мест Hired, а также ее отчеты под названием «Состояние неравенства в оплате труда на рабочем месте» свидетельствуют о том, что около трети женщин в IT-сфере США сталкиваются не только с более низким уровнем зарплаты по сравнению с мужчинами, но и с некомфортной рабочей обстановкой или даже скрытой дискриминацией в «мужском сообществе программистов» – bro-grammer culture (Tarr 2018). Одной из причин такого «гендерного противостояния» в IT-сфере, возможно, является тот факт, что под

¹ Facebook – проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

нажимом феминистских организаций изменения на этом рынке труда в США происходят излишне быстро и без учета должного уровня профессиональной подготовки соискательниц женского пола. В результате инициатив, продвигаемых крупнейшими компаниями (такими, например, как eBay или Google), количество вакансий в ИТ-сфере, предназначенных для женщин, растет в разы быстрее, чем количество аналогичных позиций для мужчин (Как женщины теснят мужчин...). При этом уровень профессиональной подготовки у большинства соискательниц, изначально далекий от базового, позволял им трудоустроиваться лишь на позиции менеджеров проектов или менеджеров по продажам (Как женщины теснят мужчин...). Эффект «сломанной ступеньки» в американской ИТ-индустрии, таким образом, был фактически предопределен еще в начале второго десятилетия XXI в. и, по сути, продолжает оказывать влияние на сегодняшнюю ситуацию в этой сфере.

Русскоязычные женщины, большая часть которых даже с учетом проводимых на постсоветском пространстве реформ обладает, как и их соотечественники-мужчины, сильным базовым образованием, на рынке американских ИТ-компаний быстро попадают в топ-лист соискателей рабочих мест *hard skills* (категория высококвалифицированного труда). *Людмила Б.*, переехавшая в США с мужем и двумя несовершеннолетними детьми в середине 1990-х годов: «Я первым делом прошла теоретическую часть платных курсов для получения профессии тестировщика программ. Это близко к программированию. Теперь мне осталось 3 месяца практики (полный рабочий день и бесплатно), а затем поиск работы, в успехе чего ручаться трудно... А трудоустроиться мне очень помог мой красный диплом (химический факультет Педагогического университета им. Н.К. Крупской, г. Москва. – *Н.Ш.*)! Интервью я прошла с первого раза, потому что китайцу, который со мной говорил, понравился именно мой московский диплом. Кажется, он даже не обратил особого внимания на мой ну очень слабый английский... Работать тяжело, но не из-за того, что тестирование мне тяжело дается, это как раз ерунда... Не хватает английского...» (ПМА 1992).

Однако общая динамика карьерного роста российских женщин-айтишников в США находится в рамках общемировых тенденций. Если судить по аналитическим данным международной базы данных *Global Career* (2020 г.), насчитывающей по всему миру более 2 млн соискателей вакансий в ИТ-сфере, абсолютное большинство женщин стабильно претендуют на такие позиции, как аналитика (33%), тестирование (13%), менеджмент проектов (*Project Manager*, 30%), менеджмент продукта (*Product Manager*, 20%), специалист по внедрению и адаптации программных решений (*SAP*, 33%). Что же касается должностей разработчиков ПО с использованием языков *Java* и *C++*, то на такие предложения

международных компаний в целом откликается значительно меньшее число соискательниц – соответственно 6 и 10% (Экспертиза...).

К слову сказать, аналогичные пропорции трудоустройства женщин в ИТ-сфере отмечены и в самой России, только количественные показатели здесь выглядят несколько иначе, чем в США и многих других странах. Так, основатель Cognitive Technologies Ольга Ускова, одна из наиболее успешных российских женщин в этой области, считает, что за последнее время доля женщин-айтишников в России быстро увеличивается, достигая сегодня в некоторых компаниях 35–40%, а иногда и 50% (например, в «Техносерв Консалтинг»). Гендерные различия в России сохраняются, но, по словам президента российской группы компаний InfoWatch Натальи Касперской, касаются они, как и в большинстве стран мира, исключительно выбора специализации самими соискательницами: «Скажем, в аналитике у нас – сплошь девочки, а программисты – сплошь мальчики. В программировании больше логики и совсем нет эмоциональной составляющей, женщины более эмпатичны. Программисты в большинстве интроверты. Это может быть одной из причин, почему программистами женщины редко становятся. Чем успешнее человек общается с машиной – тем сложнее ему общаться с людьми. Женщины же по своей природе социальные существа. Им с людьми интереснее, чем с машиной, поэтому они идут скорее в те профессии, где нужно общение, даже в ИТ. Скажем, ИТ-аналитик – это человек, который ходит и собирает информацию, общается с клиентами, с программистами, с продавцами, с различными источниками, затем агрегирует эту информацию и пишет аналитический материал» (Как женщины теснят мужчин...). При этом женский вклад в работу ИТ-компаний, считает Ольга Рубцова, заместитель директора «Техносерв Консалтинг», трудно переоценить, так как «они более кропотливые и глубже прорабатывает задачи, решение которых, в итоге, становится одним из основных “фишек” проекта... Вопрос некоего гендерного дисбаланса в отрасли, скорее, надуман. При выборе специалиста всегда на первом месте профессиональные качества, а не иные параметры... Не понимаю, для чего искусственно выравнивать процентное соотношение по гендерному признаку» (Как женщины теснят мужчин...).

Различное отношение к труду женщин в ИТ-сфере США и России дезориентирует россиянок, создает для тех айтишниц, которые переезжают в Америку по профессиональной визе, дополнительную область напряжения и даже нарушение аутентичного для них культурного кода в гендерных отношениях. Айтишницы из России сегодня с непониманием относятся к выделению специальных курсов для женщин в США как особой области профессиональной подготовки и считают такие программы не только неактуальными для ИТ-бизнеса в целом, но и проявлением своего рода сегрегирующей политики со стороны американской

власти, акцентирующей внимание на якобы неспособности женщин адекватно воспринимать стандартный учебный материал. Единственным критерием своей успешности в ИТ-сфере как в России, так и в США россиянки считают, согласно полученным мною интервью, собственный профессионализм, основанный на знаниях, энергии и личной инициативы без каких-либо скидок на слабый пол. К этому можно лишь добавить, что если в самой России женщины сегодня являются активными разработчиками больших баз данных в области искусственного интеллекта, нейронных систем, солнечно-земной физики, *open-source библиотек DeepPavlov и dp-agent для создания чат-ботов* и т.п., то занижать уровень своего профессионализма в условиях американских реалий они явно не готовы.

Заключение. Ситуация, с которой русским программистам приходится сталкиваться в ИТ-компаниях США, сродни шахматному гамбиту, означающему вариант дебюта, когда победа достигается исключительно путем принесения в жертву тех или иных значимых фигур и сопровождается множеством не просчитанных рисков. Метафора «сдача значимых фигур» при этом в большинстве случаев подразумевает не только отказ от привычного образа жизни или круга общения, но нередко и нечто гораздо большее, а именно неизбежное переформатирование сознания, ведущее в перспективе к частичной или полной смене социокультурного кода.

Риски подобного рода обычно недооцениваются большинством русских программистов, ориентированных, в первую очередь, на новые возможности самореализации за океаном и повышение уровня своей жизни в целом. Однако исследовательский материал, приведенный в этой статье, свидетельствует о том, что вероятность или в некоторых случаях даже необходимость смены социокультурного кода русских являются едва ли не определяющим критерием их успешности в Америке. В профессиональной сфере это проявляется, прежде всего, в неприятии русскими программистами стандартов корпоративной культуры, условий функционирования американского менеджмента, правил ведения проектов и т. п. Периодически возникающие кризисные ситуации в американской ИТ-сфере еще более усложняют адаптационные проблемы русских программистов, так как во многом требуют иных реакций, не характерных для их привычной поведенческой модели.

Процесс вживания русских программистов в американский ИТ-бизнес имеет, кроме того, и непростое гендерное измерение, которое затрагивает не только профессиональную, но и домашнюю сферу их повседневной жизни. Представители старшего поколения русскоязычных женщин, переехавших в США сразу после распада СССР вместе со своими мужьями-профессионалами, как правило, вынуждены были

отказываться от преимуществ высокого уровня своего советского образования и связанных с ним профессиональных навыков ради того, чтобы обеспечить своим мужьям стартовые условия трудоустройства в Америке и в итоге – возможность содержать всю семью. Новые поколения русскоязычных женщин, имеющих профильное образование, напротив, все чаще переезжают в США с целью собственной самореализации, даже если условия переезда по рабочей визе H1B вместе с мужем формально ограничивают их возможности трудоустройства.

Русскоязычные женщины-программисты в Америке заметно увереннее, по сравнению со своими соотечественниками-мужчинами, преодолевают социокультурные барьеры в США. Если, например, для американок под влиянием феминистских организаций принято создавать особые (облегченные) условия вхождения в ИТ-сферу для соблюдения гендерных пропорций в профессии, то русские программистки, напротив, не признают никаких послаблений для себя в этом смысле, так как считают «особые условия» для женщин своего рода унижением и даже оскорблением. Точно так же русскими программистками фактически не признается проблема «сломанной ступеньки», т.е. невозможности добиваться руководящих постов в профессии, или «синдром самозванца», означающий женский комплекс неполноценности среди коллег-мужчин в ИТ-сфере.

Трансформация социокультурного кода русских программистов в США, таким образом, представляет собой достаточно сложный, многомерный феномен, опосредованно влияющий на все сферы их жизни за океаном, а изучение этого феномена нуждается в постоянном мониторинге с использованием комплексных методов современного антропологического исследования.

Список источников

- Бандальер Г.* С другой стороны: жены программистов о переезде в Кремниевую долину. 20.11.2017. URL: <https://dou.ua/lenta/articles/relocation-wives/> (дата обращения: 09.02.2023).
- Барт Р.* Мифологии. Mythologies. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000.
- Бегин А.* Статистика оттока ИТ-специалистов из России в 2023 г. // Инклиент. URL: <https://incli.ru/outflow-it-specialists/?ysclid=lkv74h3crb692280225> (дата обращения: 09.02.2023).
- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. MAcademia. 2004.
- Глуценко В.* Почему российские специалисты массово не переезжают в Америку // ComNews. 09.06.2022. URL: <https://www.comnews.ru/content/220590/2022-06-09/2022-w23/pochemu-rossiyskie-it-specialisty-massovo-ne-pereezzhayut-ameriku?ysclid=llg4tv0yle379882785//> (дата обращения: 09.02.2023).
- Гринберг Т.Э.* Политические технологии. ПР и реклама. М.: Аспект Пресс, 2012.
- Давыдов А.А.* Социология изучает блогосферу // Социологические исследования. 2008. № 11. С. 92–101.
- Дрю Ж.* Ломая стереотипы. Разрыв: Реклама, разрушающая общепринятое. СПб., 2002.

- Как женщины теснят мужчин на ИТ-рынке в России и в мире. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Как_женщины_теснят_мужчин_на_ИТ-рынке_в_России_и_в_мире (дата обращения 09.02.2023).
- Козлов С. Спуглеры – жены айтишников-мигрантов. Как они борются со стрессом после переезда // РБК Стиль. 25.04.2018. URL: <https://style.rbc.ru/life/5adde3a59a794776e3cc64c5> (дата обращения: 09.02.2023).
- Корнеев А. Почему русские программисты не востребованы в США: 5 причин // Вверх! URL: <https://zavistnik.com/5-veshhej-kotorye-meshajut-talantlivym-russkim-gejm-razrabotchikam-rabotat-na-amerikancev-i-poluchat-vysokij-dohod/?ysclid=lij8t2jao755531411> (дата обращения: 15.02.2022).
- Король С. Спуглеры – жены айтишников-мигрантов. Как они борются со стрессом после переезда // РБК Стиль. 25.04.2018. URL: <https://style.rbc.ru/life/5adde3a59a794776e3cc64c5> (дата обращения: 09.02.2023).
- Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 2001.
- Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1999.
- Муртазин Э. Беженцы от IT – Как Россию покидают IT-специалисты и кто они // Mobile Review. 28.03.2022. URL: <https://mobile-review.com/all/articles/analytics/bezhency-ot-it-kak-rossiyu-pokidayut-it-speczialisty-i-kto-oni/> (дата обращения: 09.02.2023).
- Полевые материалы автора (ПМА) 2021 – интервью с Андреем З., 2021 г., г. Сан-Хосе, штат Калифорния, США.
- ПМА 1992 – Ирина Ч., 1956 г.р., г. Бостон, США, 1992, личная переписка.
- Рогачевский А. «Изнанка» Штатов со слов программиста, уехавшего туда в 1990-е. URL: <https://techrocks.ru/2019/03/11/relocate-to-usa-in-1990s/?ysclid=lir1lpsdw303311216> (дата обращения: 11.03.2019).
- Силиконовая [Кремниевая] долина (Silicon Valley): Экспресс-отчет. М., 2007. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-69547.html> (дата обращения: 09.02.2023).
- Третьяк А. Про программистов США. URL: <https://voffka.com/archives/2005/10/21/021354> (дата обращения: 09.02.2023).
- Гюрюканова Е.В., Малышева М.М. Женщины. Миграция. Государство. МAcademia, 2001.
- Шалыгина Н.В. Русские американцы: в поисках новых идентичностей. М.: БукиВеди, 2020. С. 399.
- Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. 1998. № 3/4. С. 101–116.
- Шлезингер-мл. А.М. Циклы американской истории. М.: Прогресс, 1992.
- Экспертиза Global Career: гендер в IT. URL: <https://globalcareer.ru/ehkspertiza-globalcareer-gender-v-it/> (дата обращения: 09.02.2023).
- Daley S. Women in Tech Statistics Show the Industry Has a Long Way to Go. URL: <https://builtin.com/women-tech/women-in-tech-workplace-statistics> (accessed: 05.05.2021).
- Domosh M. Sexing Feminist Geography // Progress in Human Geography. 1999. Vol. 23, No 3. P. 429–436.
- Erickson C.H. Invisible Immigrants: The Adaptation of English and Scottish Immigrants in Nineteenth Century America. Coral Gables (Fla): University of Miami Press, 1972.
- Fincher R. Gender, Age and Ethnicity in Immigration for an Australian Nation // Environment and Planning A: Economy and Space. 1997. Vol. 29, No 2. P. 217–236.
- Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973.
- Gerber D. Authors of Their Lives: The Personal Correspondence of British Immigrants to North America in the Nineteenth Century. New York: New York University Press, 2006.
- Ghaffarian S. The Acculturation of Iranians in the United States // Journal of Social Psychology. 1987. Vol. 127, No 6. P. 565–571.
- Gidwani V., Sivaramakrishnan K. Circular Migration and the Spaces of Cultural Assertion // Annals of the American Association of Geographers. 2003. Vol. 93, No 1. P. 186–213.

- Kurtz H. Anchors Oblige Public's Craving for Tweets // Washington Post. 23.02.2009. URL: <https://www.pressreader.com/usa/the-washington-post/20090223/282166467085287> (accessed: 09.02.2023).
- Levi G. On Micro-History // New Perspectives on Historical Writing / ed. by P. Burke. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1992. P. 93–113.
- Sanders E. Kevin Harmon and Eric Walden examine theories behind the IT sector's gender gap. URL: <https://news7h.com/why-is-computer-science-unpopular-among-women-texas-tech-today/> (accessed: 09.02.2023).
- Tarr T. By The Numbers: What Pay Inequality Looks Like for Women in Tech // Forbes. 04.04.2018. URL: <https://www.forbes.com/sites/tanyatarr/2018/04/04/by-the-numbers-what-pay-inequality-looks-like-for-women-in-tech/?sh=7f9cde8a60b1> (accessed: 09.02.2023).

Reference

- Bandalier H. (2017) S drugoy storony: zheny programmistov o pereyезде v Kremniyevuyu dolinu [On the other hand: the wives of programmers about moving to Silicon Valley]. 20.11.2017. Available at: <https://dou.ua/lenta/articles/relocation-wives/> (Accessed 09 February 2023)
- Barth R. (2000) *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
- Begin A. (2023) Statistika ottoka IT-spetsialistov iz Rossii v 2023 g. [Statistics on the outflow of IT specialists from Russia in 2023]. *Inclient*. Available at: <https://inclient.ru/outflow-it-specialists/?ysclid=lkv74h3crb692280225> (Accessed 09 February 2023)
- Bell D. (2004) *Griadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniia* [The coming post-industrial society. Social forecasting experience]. MAcademia.
- Glushchenko V. (2022) Pochemu rossiiskie spetsialisty massovo ne perezzhaiut v Ameriku) [Why don't Russian specialists move to America en masse]. *ComNews*. 09.06.2022. Available at: <https://www.comnews.ru/content/220590/2022-06-09/2022-w23/pochemu-rossiyskie-it-specialisty-massovo-ne-perezzhayut-ameriku?ysclid=llg4tv0yle379882785//> (Accessed 09 February 2023)
- Grinberg T.E. (2012) *Politicheskie tekhnologii. PR i reklama* [Political technologies. PR and advertising]. Moscow: Aspekt Press.
- Davydov A.A. (2008) Sotsiologiya izuchaet blogosferu [Sociology studies the blogosphere], *Sotsiologicheskie issledovaniia*. no. 11, pp. 92–101.
- Dru J. (2002) *Lomaia stereotipy. Razryv: Reklama, razrushaiushchaia obshchepriiniatoe* [Disruption: Overturning Conventions and Shaking Up the Marketplace]. St. Petersburg.
- Kak zhenshchiny tesniat muzhchin na IT-rynke v Rossii i v mire [How women are crowding men in the IT market in Russia and in the world]. Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/Stat'ia:Kak_zhenshchiny_tesniat_muzhchin_na_IT-rynke_v_Rossii_i_v_mire (Accessed 09 February 2023)
- Kozlov S. (2018) Spuglery -zheny aytishnikov-migrantov. Kak oni boryutsya so stressom posle pereyězda [The spoozers – the wives of migrant IT specialists. How do they deal with stress after moving], *RBC Style*. 25.04.2018. Available at: <https://style.rbc.ru/life/5adde3a59a794776e3cc64c5> (Accessed 09 February 2023)
- Korneev A. (2022) Pochemu russkie programmisty ne vostrebovany v SSHa: 5 prichin [Why Russian programmers are not in demand in the USA: 5 reasons]. *Vverkh!* Available at: <https://zavistnik.com/5-veshhej-kotorye-meshajut-talantlivym-russkim-gejm-razrabotchikam-rabotat-na-amerikancev-i-poluchat-vysokij-dohod/?ysclid=liyj8t2jao75553141//> (Accessed 15 February 2022).
- Korol' S. (2018) Spuglery – zheny aytishnikov-migrantov. Kak oni boryutsya so stressom posle pereyězda [The spoozers – the wives of migrant IT specialists. How do they deal with

- stress after moving], *RBC Style*. 25.04.2018. Available at: <https://style.rbc.ru/life/5adde3a59a794776e3cc64c5> (Accessed 09 February 2023)
- L'yuis R.D. (2001) *Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolknoveniia k vzaimoponimaniu* [When cultures collide: leading across cultures]. Moscow: Izd-vo «Delo».
- Maiers D. (1999) *Sotsial'naia psikhologiya* [Social psychology]. St. Petersburg.
- Murtazin E. (2022) Bezhentsy ot IT – Kak Rossiyu pokidayut IT-spetsialisty i kto oni [IT refugees – How IT specialists leave Russia and who they are], *Mobile Review*. 28.03.2022. Available at: <https://mobile-review.com/all/articles/analytics/bezhency-ot-it-kak-rossiyu-pokidayut-it-speczialisty-i-kto-oni/> (Accessed 09 February 2023)
- PMA (Author's Field Materials) 2021 – interview with Andrey Z., 2021, San Jose, California, USA
- PMA 1992 – Irina Ch., born 1956, Boston, USA, 1992, personal correspondence
- Rogachevskii A. (2019) «Iznanka» Shtatov so slov programmista, uekhavshogo tuda v 1990-e [The "wrong side" of the States, according to a programmer who went there in the 1990s]. *Techrocks*. Available at: <https://techrocks.ru/2019/03/11/relocate-to-usa-in-1990s/?ysclid=lirl1lpsdw303311216> (Accessed 11 March 2019)
- Silicon Valley: Express report. 2007, Moscow. Available at: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-69547.html> (Accessed 09 February 2023)
- Tiuriukanova E.V., Malysheva M.M. (2001) *Zhenshchina. Migratsiia. Gosudarstvo* [Woman. Migration. State]. MAcademia.,
- Shalygina N.V. (2020) *Russkiye amerikantsy: v poiskakh novykh identichnostey* [Russian Americans: in search of new identities]. Moscow: Izd-vo BukiVedi.
- Shanin T. (1998) Metodologiya dvoynoi refleksivnosti v issledovaniyakh sovremennoi rossiiskoi derevni [The methodology of double reflexivity in the research of the modern Russian village], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3/4, pp. 101–116.
- Shlezinger-jr. A.M. (1992) *Tsikly amerikanskoi istorii* [Cycles of American History]. Moscow: Progress.
- Tret'yak A. (2005) Pro programmistov SSHA [About programmers in the USA]. Available at: <https://voffka.com/archives/2005/10/21/021354> (Accessed 09 February 2023)
- Ekspertiza Global Career: gender v IT [Global Career Expertise: Gender in IT]. Available at: <https://globalcareer.ru/ehkspertiza-globalcareer-gender-v-it/> (Accessed 09 February 2023)
- Daley S. (2021) Women in Tech Statistics Show the Industry Has a Long Way to Go. Available at: <https://builtin.com/women-tech/women-in-tech-workplace-statistics> (Accessed 05 May 2021).
- Domosh M. (1999) Sexing Feminist Geography, *Progress in Human Geography*, Vol. 23, no. 3, pp. 429–436.
- Erickson C.H. (1972) *Invisible Immigrants: The Adaptation of English and Scottish Immigrants in Nineteenth Century America*. Coral Gables (Fla): University of Miami Press.
- Fincher R. (1997) Gender, Age and Ethnicity in Immigration for an Australian Nation, *Environment and Planning A: Economy and Space*, Vol. 29, no 2, pp. 217–236.
- Geertz C. (1973) *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.
- Gerber D. (2006) *Authors of Their Lives: The Personal Correspondence of British Immigrants to North America in the Nineteenth Century*. New York: New York University Press.
- Ghaffarian S. (1987) The Acculturation of Iranians in the United States, *Journal of Social Psychology*, Vol. 127, no 6, pp. 565–571.
- Gidwani V., Sivaramakrishnan K. (2003) Circular Migration and the Spaces of Cultural Assertion, *Annals of the American Association of Geographers*, Vol. 93, no 1, pp. 186–213.
- Kurtz H. (2009) Anchors Oblige Public's Craving for Tweets, *Washington Post*. 23.02.2009. Available at: <https://www.pressreader.com/usa/the-washington-post/20090223/282166467085287> (Accessed 09.02.2023)
- Levi G. (1992) On Micro-History. In: *New Perspectives on Historical Writing* / P. Burke, ed. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, pp. 93–113.

Sanders E. (2021) Kevin Harmon and Eric Walden examine theories behind the IT sector's gender gap. *News7h*. Available at: <https://news7h.com/why-is-computer-science-unpopular-among-women-texas-tech-today/> (accessed 09.02.2023)

Tarr T. (2018) By The Numbers: What Pay Inequality Looks Like for Women in Tech, *Forbes*. 04.04.2018. Available at: <https://www.forbes.com/sites/tanyatarr/2018/04/04/by-the-numbers-what-pay-inequality-looks-like-for-women-in-tech/?sh=7f9cde8a60b1> (accessed 09.02.2023)

Сведения об авторе:

ШАЛЫГИНА Наталья Валентиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия). E-mail: etgender@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Natalia V. Shalygina, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: etgender@mail.ru

The author declares no conflict of interest.

*Статья поступила в редакцию 7 сентября 2023;
принята к публикации 23 ноября 2023.*

*The article was submitted 07.09.2023;
accepted for publication 23.11.2023.*